

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Вы просили рассказать...

«Я люблю тебя, жизнь!..»

«В эти дни, когда вся страна с волнением и гордостью вспоминает героическую оборону Москвы поздней осенью 1941 года, особенно приятно видеть на кино- и телеэкранах знакомые лица любимых актеров, чье творчество несло людям на фронте и в тылу заряд оптимизма и веры в победу. Для меня таким актером был и навсегда остался Марк Бернес. Расскажите о нем на страницах вашей газеты.»

Н. Полева, врач.

«Телефонный звонок.

— Давайте познакомимся. Говорит Марк Бернес. Вы срочно нужны. Хочу встретиться.

— Когда? — спросил я, несколько озадаченный.

— Вчера, сегодня, сию минуту.

Потом я привык к его манере сразу брать быка за рога, к его нетерпеливости — если что задумано, приниматься за дело немедленно... — вспоминает о своей первой встрече с Бернесом поэт Я. Хелемский.

Такое случалось нередко. Бернес неожиданно появлялся в дверях квартиры композитора с новыми стихами, просил написать музыку и не уходил, пока тот не принимался за дело. Бывало иначе, он приходил с замыслом или с одной-двумя стихотворными строками и предлагал поэту начать работать сейчас же. Так случилось с его строчкой: «хотят ли русские войны». М. Бернес «подкинул» эти ключевые слова Е. Евтушенко, и они рефреном проходили через всю песню, которую сразу же запела вся страна. Он не ждал, когда ему предложат нечто готовое. Он сам создавал свой репертуар. Многие вещи из его репертуара стали сегодня советской песенной классикой. Он любил и умел трудиться, был в полном смысле слова создателем песни. И с каждой работал так, будто она была последней в его жизни.

Записывая новый материал на радио или телевидении, Бернес никогда не покидал студию после первого исполнения. Он мучился сам, истязал тех, кто окружал его в работе. Результаты были почти всегда удивительны. Каждое «Доброе утро» с участием Бернеса становилось праздником. Его ждали. «Как-то раз один из работников студии попытался сказать, что запись получилась удовлетворительной. Марк Наумович вспылал: «Что значит удовлетворительная?! Такой оценки не бывает в искусстве!.. Если сейчас ничего не получится, переносим работу на завтра», — вспоминает поэт В. Матусовский.

В самом деле, а может ли быть в подлинном искусстве нечто «удовлетворительное»? Во всяком случае, если нет удовлетворенности, а всегда только поиск, поиск, поиск, результаты оказываются поразительными. Что угодно, только не серенькое, не средненькое, не обыденное. Бернес и начинал необычно. В семье хотели, чтобы он стал бухгалтером или скрипачом. А он, еще мальчишкой, стал работать «живой афишей»: разносил объявления о концертах, гастролях. Мечтал стать актером.

И тогда знал: «Пусть дома твердят, что актера ждет самая беспоконная, самая тяжелая жизнь. Именно такая жизнь, именно такое беспокойство и тянет к себе. Без денег, ни о чем не думая, отправляюсь в Москву. Становлюсь статистом. В один вечер играю по несколько ролей: только что исполнил роль лакея в Малом, спешу в Большой, чтобы стать секундантом Онегина... С легкой руки С. Юткевича особую роль в моей жизни сыграло кино...».

Его роль Жигулева в фильме С. Юткевича «Человек с ружьем» задумывалась как эпизодическая. Но благодаря фантазии и неисчерпаемой выдумке Марка Наумовича она выросла в одну из главных. За свою жизнь Бернес сыграл около 60 ролей. Две главные роли — в «Двух бойцах» и «Истребителях» — принесли ему всенародную славу. Но над каждой ролью, независимо от того, главная она или эпизодическая, велась тщательная работа.

Сразу же после того, как М. Бернес и Б. Андреев были отобраны на главные роли в «Двух бойцах», для них началась воистину солдатская жизнь. Надели шинели. Взяли котелки и пошли по госпиталиям искать своих героев. Марку Наумовичу предстояло решить нелегкую задачу: его Аркадий Дзюбин одессит. А в Одессе до этого он никогда не был. Вскоре нашли в госпитале южан, учились их диалекту, их манере общения. И все же Дзюбин не получался. Однажды Бернес зашел в парикмахерскую. Сел в кресло. Задумался. И не заметил, что молоденькая парикмахерша «обкромсала» его, как могла. Бернес ужаснулся, но, поглядев в зеркало, неожиданно увидел Дзюбина. Вот так и родился его герой. На парикмахерском стуле...

Конечно, очень многие персонажи Бернеса пели. Не отозвался Марк Наумович петь и закадровые песни («С чего начинается Родина» в кинофильме «Щит и меч»). Его голос узнавали сразу. Узнавали и непременно радовались новой встрече.

Недавно в ЦДРИ состоялся вечер воспоминаний, посвященный Марку Бернесу. Погашен свет. И на экране — шинели, цветы, эшелоны. Возвращаются домой солдаты... На экране — праздник, но праздник со слезами на глазах. А за кадром — голос Бернеса:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

И у зрителей, которые не раз слышали эти строки, заблестели от слез глаза. Да, вечер воспоминаний начался с последней

песни Бернеса. Тогда он приехал на студию тяжелобольным. Но работал, как прежде. Записывал песню по несколько раз, стирал, прослушивал и снова записывал. А когда работа кончилась, скромно сказал: «Кажется, что-то получилось». Получилась песня, слушая которую, нельзя не плакать. Разве этого мало!

Вечер продолжался выступлениями композиторов, поэтов, режиссеров и просто друзей. Они вспоминали о Бернесе с любовью и гордостью, нежностью и уважением.

И снова погашен свет. И заветелась старая лента с молодым Бернесом.

«Темная ночь, только пули свистят по степи...».

Землянка. Гитара. «Темная ночь». За пластинку с этой песней солдаты на фронте отдавали свой дневной паек. Почему? Потому что она всечеловечна, проста и гражданственна. Но гражданственность Бернеса негромкая, ненавязчивая. «Он не поет, а рассказывает свои песни», — писал В. П. Соловьев-Седой. Его песни — беседа. Мудрая, честная беседа со слушателями.

Может, поэтому песни Бернеса — всегда открытие. Вспомните: «Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново». Действительно, не ново. И сегодня с эстрадной сцены не раз услышишь о том, что жизнь любимая «снова и снова». Но, слушая Бернеса, пускай уже в который раз, с радостью открываешь для себя, что счастлив потому, что есть жизнь, и потому, что ты любишь ее, и потому, что «будет внуки потом, все опять повторится сначала».

Почему же мы плачем, услышав его «Журавлей», и подетски счастливы, когда он уверенно напевает, что «все еще впереди»? Откуда у Бернеса такая сила убеждения? Талант? Умение работать? Но этого мало. Умение думать. Умение жить жизнью страны. Обращение с песней не к огромной массе народа, когда поют все от имени всех, а лично к каждому — к вам, ко мне, к любому из нас. Его песни не проскальзывают мимо, отталкиваясь от души, как чужие. Напретив, мы пропитаны ими. Их словами, ритмом. Для многих его песни — счастливые воспоминания молодости, а для тех, кто сегодня молод, — учебник любви. Он писал: «Мне хотелось рассказать людям о жизни сердца, о его боли и радости, о любви, которая не кричит о себе, а тихо, с улыбкой напевает, о скромной и крепкой дружбе, о мечтах и встречах». Как просто написано. Но как сложно исполнить все это со сцены. Бернес сделал это. Он сердцем рассказал нам о нас самих, о нашей жизни, о нашем достоинстве. Он подарил нам свой талант, свое сердце. Горячее сердце, которое сегодня стучит в песнях, с волнением повторяя: «Я люблю тебя, жизнь!».

Е. ЗОРОХОВИЧ.